

ГОДЪ

XXXIX.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цена годовому изданію на мѣстѣ
пять руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей серебромъ.

№ 11.

Подписка принимается въ редак-
ціи сего журнала, при Кіевской
духовной Семинаріи.

1898 года, марта 15-го.

Содержаніе: Грѣховно-плотское начало и христіанское подвижничество.—Къ вопросу о платѣ прихожанъ за требиисправленія.

Грѣховно - плотское начало и христіанское подвижничество.

Для того, чтобы понять ученіе о грѣховно-плотскомъ началѣ, происшедшемъ въ человѣкѣ отъ прародительскаго грѣха, прежде всего должно обратиться къ словамъ Иисуса Христа, которыя сказаны Никодиму: *рожденное отъ плоти, и рожденное отъ Духа, духъ есть* (Іоан. 3, 6). Возвращаясь къ этимъ словамъ. Что значитъ быть плотію? Это не значитъ не имѣть въ себѣ безсмертнаго духа, который не можетъ принадлежать къ составу человѣческаго существа.

Но мы знаемъ, что этотъ духъ можетъ какъ бы оплотниться, сдѣлаться плотскимъ, если будетъ служить плоти, и свои дарованія: разумъ, чувствованіе и свободу—превратить въ орудія плотскихъ стремленій. Основнымъ и общимъ стремленіемъ человѣческой плоти, нашего организма, является стремленіе сохранить свою плотскую жизнь въ ея земныхъ условіяхъ; въ этомъ стремленіи заключены многочисленныя второстепенныя стремленія, направляющіяся къ тому, чтобы пользоваться плотскою жизнью для доставляемыхъ ею удовольствій. И вотъ духъ человѣка является полнымъ рабомъ этихъ стремленій и, какъ рабу свойственно усвоить понятія и качества своихъ владыкъ, такъ и духъ человѣка, безгнѣсный и бессмертный, начинаетъ себя понимать и опредѣлять, какъ начало ядущее и пьющее, какъ начало, удѣль котораго въ этой жизни (Пс. 16, 14 по русск. перев.); душа человѣка говоритъ сама себѣ словами приточнаго богача: *душе, имаша многа блага, лежаща на тѣта многа: почивай, яждь, пей, веселися* (Лук. 12, 19). Вотъ что значитъ *быть плотію*.

Изъ противоположности уясняется, что значитъ *быть духомъ*. Это не значитъ не дѣлать никакихъ плотскихъ дѣлъ, не работать руками, не ѣсть, не пить, но это значитъ все плотское подчинять духовному и плотскую жизнь цѣнить лишь настолько, насколько можно цѣнить состояніе переходное въ виду послѣдующаго бессмертнаго бытія. При этомъ расширеніи кругозора, при этомъ устремленіи ума въ безконечное будущее, которое составляетъ естественный удѣль духа, въ соотвѣтственной мѣрѣ умаляется все плотское, все житейское, умаляется въ глазахъ человѣка до ничтожества. Раждается общее стремленіе жить не для влеченій плоти, но для стремленій духа, на которыхъ лежитъ отпечатокъ той же вѣчности, какою отличается его бытіе: таково стремленіе къ Богу, вѣчному благу, вѣчной истинѣ.

Человѣкъ, по вышеприведеннымъ словамъ Господа, можетъ быть и плотію, и духомъ. Спрашивается: отъ чего

бываетъ плотію? По своей ли винѣ, или по причинамъ, отъ него независящимъ? Хотя отчасти и по своей винѣ, однако и по причинѣ, отъ него независящей. Онъ бываетъ плотію оттого, что рождень отъ плоти. Отъ подобнаго раждается подобное. Яблоко не падаетъ далеко отъ яблони, на которой оно выросло.—Впрочемъ, нельзя ли, можетъ быть, различать смыслъ слова *плоть*, когда оно употреблено въ первый разъ, отъ смысла того же слова, когда оно употреблено во второй? Въ одномъ ли и томъ же смыслѣ называется плотію и рожденное (*плоть есть*), и родившее (*отъ плоти*)? Не называется ли родившее *плотію* только потому, что является вещественнымъ организмомъ, состоящимъ изъ тѣлесныхъ или чувственныхъ частей, которымъ чуждо въ одинаковой мѣрѣ и нравственное добро, и нравственное зло, тогда какъ рожденное называется *плотію* за стремленія, противоположныя святости, за влеченія, называемыя грѣховными, слѣдовательно называется плотію въ смыслѣ *грѣховной плоти*. Но сближать разнородныя понятія на основаніи ихъ одноименности значило бы играть словами и ничего не объяснять. Если бы человекъ только раждался отъ плотской матери, какъ и Самъ Христосъ родился, то изъ этого еще не слѣдовало бы, что онъ долженъ быть плотію по своимъ стремленіямъ и своей настроенности, еще не слѣдовало бы, что онъ безъ рожденія свыше не можетъ имѣть царствія Божія (ст. 3). Говоря о плоти и духѣ, Господь имѣлъ въ виду не природу тѣлесную и природу безтѣлесную, какъ понимаетъ ихъ естествознаніе, но нравственное состояніе, возникающія изъ преобладанія то плотскихъ стремленій, то влеченій духовныхъ. Посему слова Его: *рожденное отъ плоти, плоть есть* должны быть разумѣмы такъ: рожденное отъ родителей, въ которыхъ царствовали стремленія плотскія, человекъ можетъ быть только такимъ же плотскимъ, такимъ же, какъ и они, грѣховнымъ. „Кто родится отъ нечистаго? ни одинъ“, говоритъ Іовъ (14, 4).

Итакъ не только ближайшіе родители имѣются въ виду, но и рожденное отъ плоти, но и все предшедшее

человѣчество, какъ зараженное грѣховностію въ полномъ своемъ составѣ и сообщающее ее новымъ и новымъ поколѣніямъ. Если мы нашли воду потока испорченною, то, изслѣдуя причину этого, мы не остановимся на томъ, что она испорчена и еще на нѣсколько сажень по теченію выше, но обратимся къ истокамъ, чтобы видѣть, нѣтъ ли порчи тамъ. Такъ точно, и объясняя испорченность людей, никто не станетъ останавливаться на причинахъ послѣднихъ и посредствующихъ, но укажетъ на причину первую, на грѣхъ прародителя Адама. Посему и слова Господа *рожденное отъ плоти* указываютъ, какъ на причину грѣховности въ отдѣльномъ человѣкѣ, на все предшедшее грѣховное человѣчество, во главѣ съ Адамомъ, первовиновникомъ грѣховнаго поврежденія.

Итакъ, человѣкъ бываетъ плотію и по независящей отъ него причинѣ, вслѣдствіе грѣховнаго наслѣдства, которое пришло къ нему отъ родившихъ его. Но если это отъ него не зависитъ, то почему онъ за это несетъ осужденіе?—Осужденіе здѣсь приходитъ не только отъ воли осуждающаго, но и отъ состоянія, въ которомъ находится осуждаемый. Такъ, слѣдпорожденный осужденъ не видѣть свѣта не потому, чтобы кто-нибудь отнималъ у него это наслажденіе, но потому, что онъ неспособенъ къ нему и не имѣетъ даже понятія о свѣтѣ. Рожденный отъ плоти и самъ остающійся плотію осужденъ не видѣть царствія Божія, потому что находится въ состояніи природной духовной слѣпоты, какъ бы мертвенности, и отчужденія отъ жизни Божіей (Еф. 4, 18). Чтобы слѣдаться способнымъ къ участію въ царствѣ Божіемъ, необходимо воспріять иное бытіе, которое опредѣляется въ словахъ: *духъ есть*. И здѣсь разумѣется нравственное состояніе, которое такъ же, какъ и первое (*плоть есть*), объясняется изъ свойства источника, откуда почерпается. Оно заимствуется отъ Святаго Духа, и потому есть состояніе святой настроенности, святой дѣятельности и вообще святой жизни. Духъ Божій есть первообразъ жизни, истинно духовной, а

такая жизнь есть для людей истинно святая; потому Онъ есть для нихъ первообразъ и истинно-святой жизни. Святость не принадлежитъ Ему, какъ привходящее качество, но составляетъ самое существо Его; Онъ есть не только первообразъ святой жизни, но и ея первоисточникъ; всякое существо, причастное святости, не могло получить ея отъ инуду, какъ отъ Духа, и человѣкъ, когда бываетъ духомъ, бываетъ такимъ потому, что рожденъ отъ Духа.

Кто не рожденъ отъ Духа, а только отъ плоти, кто воспріялъ въ себя только наслѣдіе грѣховности отъ грѣховнаго человѣчества, но не воспріялъ освященія отъ всеосвящающаго Духа Божія, тотъ не можетъ видѣть царствія Божія: истины евангельскаго ученія лишены для него привлекательности, слова Христовы кажутся ему странными (Іоан. 6, 60), иго Его закона непомѣрно тяжкимъ, подвиги самоумерщвленія бѣснованіемъ (Матѣ. 11, 18), обѣтованіе о соединеніи съ Богомъ, о блаженствѣ лицезрѣнія Божія недостойнымъ тѣхъ лишены, путемъ которыхъ оно можетъ быть достигнуто. У человѣка невозрожденнаго другіе вкусы, онъ мыслить только человѣческое, а не *яже суть Божія* (Матѣ. 16, 23), и потому никто не можетъ изъяснить ему сладость жизни истинно христіанской. Посему Господь и сказалъ: *всякій, кто отъ истины, послушаетъ гласа Моего* (Іоан. 18, 37). Только тотъ послушаетъ гласа Христова, кто отъ Истины, т. е., отъ Самого Христа и отъ единосущнаго съ Нимъ Духа Святаго, получилъ новое бытіе, и съ нимъ какъ бы новый слухъ, всегда отверстый и воспріимчивый для святыхъ благодатныхъ внушеній.

У св. ап. Павла въ 5 гл. посланія къ Римлянамъ мы находимъ подробное изъясненіе всеобщности осужденія за грѣхъ. Цѣлюю апостола было показать, какъ можетъ праведность или заслуга одного Человѣка, именно Іисуса Христа, быть причиною оправданія многихъ вѣрующихъ въ Него. Это онъ объясняетъ указаніемъ на то, что и осужденіе, противоположное оправданію, точно также вошло во всѣхъ людей

отъ одного человѣка, Адама. *Якоже единого прегрѣшеніемъ во вся чловѣки вииде осужденіе: такожде и единого оправданіемъ во вся чловѣки вииде оправданіе жизни* (ст. 18 и дал.). При этомъ осужденіе, которое было послѣдствіемъ грѣха Адамова, апостоль поставляетъ въ смерти, и всеобщность осужденія доказываетъ всеобщностію смерти. *Единымъ чловѣкомъ грѣхъ въ міръ вииде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся чловѣки вииде* (ст. 12). Эта смерть „царствовала отъ Адама до Моисея и надъ несогрѣшившими подобно преступленію Адама“ (ст. 14). Она царствовала и до появленія закона, когда грѣхи людей не могли быть вмѣняемы имъ, когда люди не несли отвѣтственности за свои дѣла, такъ какъ они стали отвѣтствовать за нихъ только съ пришествіемъ закона (ст. 13).—Спрашивается: за что же смерть поражала неотвѣтственныхъ и невиновныхъ? И здѣсь мы можемъ сказать то же самое, что свазали по поводу перваго приговора, изреченнаго Самимъ Христомъ для человѣка, остающагося плотію („не можетъ видѣть царствія Божія“): приговоръ или осужденіе истекаетъ и здѣсь не только изъ воли осуждающаго, но вмѣстѣ изъ состоянія осуждаемаго.

Грѣховно-плотское состояніе само по себѣ является причиною смерти и въ самомъ себѣ заключаетъ послѣднюю. Посему то и сказано было Адаму: *въ онъже аще день сънѣсте отъ него* (отъ запрещеннаго древа), *смертію умрете* (Быт. 2, 17), не по истеченіи многихъ лѣтъ придетъ къ вамъ смерть, но вмѣстѣ съ грѣхомъ, въ тотъ же день, вы умрете смертію, т. е., воспримите въ себя начало разрушенія, смерти, такъ что оттолѣ смерть будетъ неразлучна съ вами (ср. Втор. 28, 21), и послѣдующая ваша жизнь будетъ только постоянною борьбою смерти съ жизнію, пока первая окончательно не одолѣетъ послѣдней. Это водвореніе смерти въ чловѣкѣ вслѣдъ за его грѣхопадениемъ объясняется изъ понятія о смерти и грѣхѣ. Смерть есть не уничтоженіе чловѣка, а только распаденіе его на составныя части, слѣдовательно какъ бы перемѣщеніе его частей, выходъ ихъ изъ первона-

чальнаго сочетанія въ одномъ духовно-тѣлесномъ существѣ. А что такое грѣхъ или грѣховность? И она представляетъ собою также перемѣщеніе частей, также выходъ ихъ изъ гармоническаго соединенія, при чемъ то, что должно быть выше, какъ богоподобный разумъ, становится ниже, какъ тѣло съ его низменными влеченіями, становится во главу, дѣлается руководителемъ жизни и повелителемъ разума. О человѣкѣ, въ которомъ царствуетъ грѣхъ, справедливо сказать, что вмѣстѣ съ грѣхомъ въ немъ дѣйствуетъ смерть, что онъ въ силу самой грѣховности своей постоянно умираетъ. Такимъ образомъ состояніе всеобщей наслѣдственной грѣховности есть также состояніе всеобщей смертности.

Въ 6 главѣ того же посланія апостолъ даетъ намъ понятіе о томъ, какая перемѣна происходитъ въ человѣкѣ при крещеніи, которое Христосъ въ бесѣдѣ съ Никодимомъ изобразилъ, какъ роженіе свыше, какъ роженіе водою и Духомъ (Іоан. 3, 3, 5). Отвѣчая на вопросъ, можно ли намъ теперь оставаться въ грѣхѣ, апостолъ говоритъ, что этого не должно быть никакъ, ибо „мы, крестившіеся во Христа Иисуса, въ смерть Его крестились“ (ст. 3),—что „мы погреблись съ Нимъ крещеніемъ въ смерть“ (ст. 4). Что значать эти выраженія, объясняетъ самъ апостолъ, говоря: „мы соединены съ Нимъ подобіемъ смерти Его“, т. е., наше крещеніе было подобіемъ смерти и погребенія Христа, такъ что посредствомъ этого уподобленія умершему и погребенному Господу мы съ Нимъ соединились, какъ розга съ лозою (*σύνζυτοι*, срослись съ Нимъ). Обыкновенно уподобленіе (или подражаніе) мало сближаетъ подражающаго съ подражаемымъ; здѣсь же уподобленіе или подражаніе Христу, при содѣйствіи Святаго Духа, совершенно соединяетъ насъ со Христомъ.—Спрашивается: какимъ образомъ крещеніе можетъ быть подобіемъ смерти и погребенія Христа? Отчасти это касается и внѣшняго дѣйствія крещенія, погруженія въ воду, напоминающаго погребеніе въ землѣ, какъ бы погруженіе въ землю. Но главнѣйшая черта сходства заключается

въ томъ, что при крещеніи въ насъ нѣчто умираетъ, а что именно, указываетъ намъ самъ апостоль, говоря: „нашъ ветхій человѣкъ распятъ съ Нимъ, чтобы упразднено было тѣло грѣховное“ (ст. 6). Итакъ, по подобію смерти Христовой въ насъ при крещеніи распинается „ветхій человѣкъ“, упраздняется тѣло грѣховное.

Въ первый разъ встрѣчаемся мы здѣсь съ выраженіемъ „ветхій человѣкъ“. Съ греческаго можно перевести его словами: „древній человѣкъ“ (*παλαιὸς ἄνθρωπος*). Этотъ „древній человѣкъ“ является синонимомъ тутъ же называемаго „тѣла грѣховнаго“, той плоти, о которой Христосъ сказалъ: *рожденное отъ плоти плоть есть*. Эпитетъ *ветхаго* весьма идетъ къ грѣховно-плотскому началу, потому что оно наслѣдуется нами отъ всего предшедшаго намъ человѣчества; наименованіе его *человѣкомъ* указываетъ на то, что оно представляетъ начало дѣятельное, требующее противъ себя и дѣятельной борьбы.

Какъ относится сказанное апостоломъ къ вопросу: оставаться ли намъ въ грѣхѣ? Очевидно, что не должно оставаться, такъ какъ грѣховность распята въ насъ при крещеніи. Въ чемъ же это распятіе состоитъ? Въ томъ, что человѣкъ принимаетъ въ себя начало новой жизни: „мы погреблись съ Нимъ крещеніемъ въ смерть, дабы, какъ Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ славою Отца, такъ и намъ ходить въ обновленной жизни“ (ст. 4), соединяясь съ Христомъ „подобіемъ воскресенія“ (ст. 5). Это начало новой святой жизни, поражаемое Св. Духомъ, самымъ появленіемъ въ человѣкѣ открываетъ свое несравненное превосходство и приноситъ осужденіе и пораженіе человѣку ветхому. Явилась новая жизнь, приносящая съ собою святыя помыслы, святыя чувствованія и желанія, сказалась обновленному сердцу и уму красота ученія Христова, сладость обѣтованій Его, смиреніе и кротость дѣлають легкимъ благое бремя повелѣній Его. Какъ же не распятъ всѣмъ этимъ ветхій человѣкъ, и если кто спросить, не пребывать ли снова въ состояніи грѣхов-

ности, то можно ли отвѣчать на это иначе, какъ полнымъ отрицаніемъ и отказомъ?

Выше сказано было, что состояніе грѣховности есть въ тоже время состояніе смертности. Напротивъ, состояніе обновленной жизни есть состояніе воскресенія. „Если мы соединены съ Нимъ (со Христомъ) подобіемъ смерти Его, то должны быть соединены и подобіемъ воскресенія“ (ст. 5). „Если мы умерли со Христомъ, то вѣруемъ, что и жить будемъ съ Нимъ“ (ст. 8). Но эта мысль (что состояніе обновленія есть состояніе жизни вѣчной) раскроется намъ при разборѣ выраженій апостола въ другихъ мѣстахъ и въ другихъ его посланіяхъ.

Послѣ погребенія Христу въ таинствѣ возрожденія вся жизнь христіанина должна представлять собою зрѣлище постоянной и неослабной борьбы двухъ началъ, грѣха и праведности (Римл. 6, 13 и дал.), плоти и духа (7, 5, 6). И прежде, до Христа, живущій въ людяхъ грѣхъ долженъ былъ поддерживать борьбу, но то была борьба съ внѣшнимъ закономъ; этотъ послѣдній былъ самъ по себѣ святъ, праведенъ и духовенъ, но въ самомъ человѣкѣ никакой опоры не имѣлъ, потому тамъ безраздѣльно царствовалъ ветхій человѣкъ, не только не повиновавшійся закону, но превращавшій его повелѣнія въ посылки къ грѣху (7, 8). Теперь, по силѣ возрожденія, въ самомъ человѣкѣ внѣдрено начало новой жизни, начало духовное, рожденное отъ Святаго Духа: человѣкъ сталъ ненавидѣть грѣхъ (ст. 5), соглашаться, что законъ добръ (ст. 16), любить добра (ст. 18), находить наслажденіе въ законѣ Божіемъ (ст. 22). Теперь грѣхъ находитъ себѣ противодѣйствіе не въ возрожденномъ человѣкѣ, а не во внѣшнемъ законѣ, который былъ ослабляемъ (8, 3) безраздѣльнымъ господствомъ плоти во всемъ существѣ человѣка. Эту борьбу грѣха съ началомъ новой жизни апостольскій образъ изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „желаніе добра есть во мнѣ, но чтобы сдѣлать оное, не могу. Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю. Если же дѣлаю то, чего не хочу;

уже не я дѣлаю то, но живущій во мнѣ грѣхъ. По внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго, находящагося въ членахъ моихъ. Умомъ моимъ служу закону Божію, а плотію закону грѣха“ (ст. 18—25; см. Гал. 5, 17). Какъ соотвѣтствуетъ начертанная апостоломъ картина борьбы между двумя началами жизни тому, что представляетъ обыденное наблюденіе! Наслѣдственная порочная наклонности, представляющія разновидность, какъ бы развѣтвленія, грѣховно-плотскаго начала или ветхаго человѣка, часто выплываютъ на поверхность духовно-нравственной жизни человѣка съ величайшею силою, вызываютъ на бой разумъ, совѣсть, всѣ лучшія чувства и стремленія человѣка, и иногда, послѣ упорной борьбы, одерживаютъ побѣду, иногда затмеваютъ самый разумъ, подчиняютъ его себѣ и вынуждаютъ его *непщевати вины о грѣсѣхъ*, изыскивать извиненія для грѣха.

Въ 23 ст. 7 главы апостоль называетъ грѣховное начало „закономъ грѣховнымъ, находящимся въ членахъ тѣла его“, а въ слѣдующемъ 24 ст. восклицаетъ: „бѣдный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти?“ Это внушаетъ мысль, что ветхій человѣкъ, наследственная грѣховность, обитаетъ по преимуществу въ тѣлѣ и обнаруживается въ противозаконныхъ тѣлесныхъ влеченіяхъ. Хотя и тѣло есть созданіе Божіе, которое должно быть орудіемъ духовнаго совершенствованія человѣка (Римл. 6, 13), однако нельзя не согласиться, что по природѣ своей оно болѣе, чѣмъ духъ, склонно сдѣлаться жилищемъ грѣха: его стремленія направлены къ вещественнымъ, тѣльнымъ и земнымъ предметамъ, цѣлію этихъ стремленій является сохраненіе временной жизни и полученіе мимолетныхъ удовольствій. Это стремленіе легко превратилось въ грѣховное, какъ скоро стало преобладать и возросло до того, что помрачило сознание долга, въ своемъ мимолетномъ напряженіи заглушило

чувство благоговѣнія къ Богу—Законодателю: *и видѣ жена, яко добро древо въ снѣдь, и яко угодно очима видѣти и красно есть еже разумѣти, и вземши отъ плода его яде* (Быт. 3, 6). Такъ и вообще плотскія стремленія легко становятся грѣховными, какъ скоро усиливаются больше мѣры и заглушаютъ стремленія духовныя, направленныя къ предметамъ неземнымъ и вѣчнымъ. Вотъ, почему тѣло справедливо считается жилищемъ грѣха, и тѣлесныя стремленія подлежатъ усиленному ограниченію и ослабленію, чтобы не превратиться въ непреодолимое препятствіе къ духовному совершенствованію. Вотъ, почему такъ необходимъ постъ, посредствомъ котораго физическія потребности человѣка вводятся въ тѣснѣйшія границы, уступаютъ и подчиняются усиліямъ благочестивой воли и такимъ образомъ становятся неопасными для жизни духовно-нравственной.

Скажутъ, что существуютъ и духовныя страсти, которыя гнѣзятся въ духѣ, и что поэтому несправедливо жилищемъ грѣха считать по преимуществу тѣло. Но и духовныя страсти (каковы: скупость, тщеславіе, властолюбіе) направлены къ земнымъ вещамъ, имѣющимъ то или другое отношеніе къ внѣшнему, т. е., тѣлесному благосостоянію человѣка. Поэтому онѣ не въ точномъ смыслѣ называются духовными и собственно суть тоже плотскія, какъ ограниченныя въ своихъ стремленіяхъ и ожиданіяхъ земными предметами и временемъ плотской жизни человѣка. Чѣмъ сильнѣе страсть человѣка, напр., къ власти, тѣмъ болѣе трепещетъ онъ за эту временную, плотскую жизнь, зная, что, когда она прекратится, тогда наступитъ конецъ осуществленію его страсти; что, когда духъ останется самъ съ собою, освободившись отъ оковъ тѣла, тогда ему будетъ не до господства надъ ближними, и раболѣнство подвластныхъ утратитъ для него привлекательность. Если все грѣховное такъ тѣсно связано съ тѣлесною жизнію, то понятно, почему грѣховное тѣло называется плотскимъ: „помышленія плотскія суть нечистота“ (Рим. 8, 6); плотскія помышленія суть вражда про-

тивъ Бога“ (ст. 7); „если духомъ умерщвляете дѣла плотскія, то живы будете“ (ст. 13).

Спрашивается теперь: ужели всегда будетъ такъ, ужели грѣхъ вѣчно обитать будетъ въ нашемъ тѣлѣ, ужели тѣло всегда будетъ рабомъ ветхаго человѣка и претыканіемъ для человѣка новаго, обновляемаго по образу Создателя (Кол. 3, 10)? Конечно, нѣтъ. Если и прочая тварь освобождена будетъ отъ работы тлѣнію, то тѣмъ болѣе „мы сами, имѣя начатокъ Духа“, какъ говоритъ апостоль, „стенаемъ, ожидая усыновленія, избавленія тѣла нашего“ (Рим. 8, 19—23). Тѣло наше будетъ избавлено отъ власти грѣха. На него прострется обновляющее и освящающее дѣйствіе Св. Духа, а мы уже имѣемъ начатокъ сего Духа, иначе сказать, Духъ уже началъ наше обновленіе и освященіе. „Если Духъ Того, Кто воскресилъ изъ мертвыхъ Иисуса, живетъ въ васъ“, учитъ апостоль, „то Воскресившій Христа изъ мертвыхъ оживитъ и ваши смертныя тѣла Духомъ Своимъ, живущимъ въ васъ“ (ст. 11).

Изъ всего сказаннаго уясняется понятіе о христіанскомъ подвижничествѣ, представляющееся недостаточно опредѣленнымъ въ его русскомъ и славянскомъ обозначеніи. Слова: подвигъ, подвизаться не даютъ уму яснаго представленія, тогда какъ соотвѣтствующія имъ греческія слова: *ἀγωνία*, *ἀγωνίζεσθαι* прямо указываютъ на борьбу, споръ, состязаніе. Въ такой „борьбѣ“ находился Богочеловѣкъ въ ночь предъ страданіями въ Геосиманскомъ саду, когда Онъ, *бывъ въ подвизѣ (ἀγωνίᾳ), прильженье моляшеся; бысть же потъ его, яко капли крове, каплющыя на землю* (Лук. 22, 44). Это была борьба между естественнымъ отвращеніемъ отъ смерти, свойственнымъ человѣческой природѣ, какова она есть сама по себѣ, и желаніемъ совершить волю Божию, которымъ томился духъ Христовъ, бывший носителемъ высшихъ побужденій и божественныхъ внушеній (Лук. 12, 50). Посему-то и говорилъ Господь въ ту ночь: *духъ бореть, плоть же немощуетъ* (Матѳ. 26, 41), подъ плотію разумѣя человѣческую природу

съ ея естественными влеченіями, хотя и не грѣховными, но все же направленными къ сохраненію жизни, а подъ духомъ разумѣя высшую часть той же самой природы, приближающуюся къ Божеству и освѣщающую путь Христа свѣтомъ божественныхъ повелѣній (Іоан. 11, 9—10).

Вслѣдъ за Христомъ вступаютъ на путь подвижничества и борьбы все Его истинные послѣдователи. *Терпѣніемъ да течемъ*, говоритъ апостолъ, *на подлежащій намъ подвигъ, взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса* (Евр. 12, 1—2). Но борьба христіанъ не есть борьба между высшими побужденіями и влеченіями естественными, какъ было во Христѣ, а борьба начала новой жизни, порожденной Духомъ Святымъ, съ ветхимъ человѣкомъ, истлѣвающимъ въ обольстительныхъ похотяхъ (Ефес. 4, 22—24). Она состоитъ въ воздержаніи отъ всего тлѣннаго, что питаетъ въ насъ излишнюю любовь къ преходящему образу міра сего (1 Кор. 7, 31), ради полученія вѣнца нетлѣннаго (9, 25). Она состоитъ въ усмиреніи и порабоженіи тѣла (ст. 27), въ которомъ глубоко укоренилась нетерпѣливая притязательность въ требованіяхъ и самодовольство насыщенія (Втор. 32, 15).

„Человѣкъ имѣетъ полное право на все, чего хочетъ его тѣло“: вотъ основное положеніе той нравственной философіи, къ которой пришла современная мысль въ лицѣ разныхъ Писаревыхъ, и которая является всецѣло созданіемъ ветхаго человѣка, ядовитымъ плодомъ на многовѣтвистомъ деревѣ общечеловѣческой грѣховности. Христіанство поставляетъ правиломъ умерщвленіе плотскихъ вожделѣній: *духомъ ходите и похоти плотскія не совершайте.—Иже Христовы есте, плоть распяша со страстми и похотми* (Гал. 5, 16, 24). Ветхій человѣкъ (грѣховное тѣло) былъ распятъ въ насъ при нашемъ крещеніи чрезъ то избличеніе и осужденіе, которое принесъ ему съ собою воспринятый тогда человѣкъ началомъ Духа, избличающаго весь міръ о грѣсѣ, о страсти и о судѣ (Іоан. 16, 8—11). И христіанство призываетъ волю человѣка облагодатствованнаго къ постоянному

подви́гу, къ непрестанной борьбѣ съ плотію, съ наслѣдственною грѣховностію. Цѣль этой борьбы есть уничтоженіе грѣховныхъ вождельнѣй, или, по выраженію ап. Павла, умерщвленіе земныхъ членовъ. *Умертвите удоы ваша, яже на земли: блудъ, нечистоту, страсть, похоть злую и лихоиманіе* (Кол. 3, 5). Такъ какъ ветхій человѣкъ всецѣло сосредоточень на исканіи земнаго счастья, на украшеніи временнаго бытія, на умноженіи пріятныхъ ощущеній, то несчастье и страданіе почитаетъ онъ величайшимъ и единственнымъ зломъ. Онъ весь поглощенъ заботами объ устраненіи этихъ страданій, о равномѣрномъ распредѣленіи между людьми внѣшнихъ благъ и наслажденій. Онъ создалъ новѣйшія теоріи коммунизма и социализма, въ основѣ которыхъ лежитъ ложное убѣжденіе, что смыслъ человѣческаго существованія состоитъ не въ достиженіи нравственнаго совершенства, не въ уготовленіи человѣку блаженной участи за гробомъ, а въ насыщеніи тѣла и въ продленіи его жизни. Посему нѣтъ ничего для этихъ теорій болѣе враждебнаго, какъ христіанство, которое видитъ въ нихъ твореніе ветхаго человѣка, гибельный плодъ великаго грѣха, господствующаго надъ человечествомъ. Христіанство учитъ примиряться съ временными бѣдствіями и даже находить ихъ полезными. „Мы не унываемъ“, писалъ апостоль, претерпѣвая бѣдствія: „если внѣшній нашъ человѣкъ тлѣетъ, то внутренній со дня на день обновляется“ (2 Кор. 4, 16). Въ лишеніяхъ, постигающихъ насъ противъ нашего желанія, усматривается сходство съ подвигами поста и воздержанія, которые мы принимаемъ по доброй волѣ; сходство заключается въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ ветхій человѣкъ вынуждаемъ бываетъ умѣрять свою притязательность, отлагать гордость, постоянную спутницу пресыщенія, задерживать развитіе своихъ пожеланій, которыя умножаются и плодятся безъ конца отъ безпрепятственности удовольствованія. А въ то время, когда подъ напоромъ страданій и бѣдствій ослабѣваютъ грѣховныя влеченія, начало Духа, духовная и святая жизнь, внутренній человѣкъ, уси-

ливается и утверждается, ибо ничто не может обезсилить и колебать его, кромѣ господства грѣха, который составляет его противоположность. Посему апостоль, находясь въ бѣдствіяхъ и лишеніяхъ, пишетъ: „мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаемъ; всегда носимъ въ тѣлѣ мертвость Господа Іисуса, чтобы и жизнь Іисусова открылась въ тѣлѣ нашемъ“ (2 Кор. 4, 9—10). Это значитъ, что внѣшнія бѣдствія продолжаютъ насажденіе и утвержденіе новой жизни, жизни Христовой, которая, распространяясь по всему существу нашему, должна преобразить и самое тѣло наше, превративъ его изъ орудія грѣха въ орудіе праведности, изъ гнѣздилища грѣха и смерти въ обитель освященія и вѣчной жизни.

С. Кохомскій.

Къ вопросу о платѣ прихожанъ за требоисправленія.

Много возраженій высказывается противъ общепринятаго у насъ обычая давать священникамъ вознагражденіе за требоисправленія; много приходится слышать по поводу этого обычая нареканій. Возраженія и нареканія весьма разнообразны и идутъ какъ со стороны друзей Православной Церкви, такъ и со стороны враговъ ея. Характеръ возраженій и нареканій, идущихъ съ той и другой стороны, конечно, не одинаковъ и различается и по чувству, ихъ вызывающему, и по заключеніямъ, изъ нихъ выводимымъ; но и тѣ, и другіе въ отношеніи къ вопросу о современномъ способѣ обезпеченія православнаго духовенства, держатся отрицательнаго направленія, считая его не только не современнымъ, но и несостоятельнымъ въ самой основѣ своей.

Обыкновенно и большею частію противъ обычая брать плату за требоисправленія говорятъ, что плата эта ставитъ священника въ зависимость отъ прихода, лишаетъ его самостоятельности, стѣсняетъ свободу его дѣйствій и потому несправедливо отзывается на характеръ и плодахъ его дѣятельности. Для надлежащей плодотворности пастырской дѣятель-

ности священника необходимо, чтобы она была запечатлѣна духомъ истиннаго учительства; необходимо, чтобы священники учили, какъ власть имущіе, а для этого нужно сознаніе своей власти. Откуда же можетъ взяться у священника это сознаніе своей духовной власти, когда онъ самъ чувствуетъ себя во власти своего прихода? когда отъ благожелательности или недоброжелательства послѣдняго зависитъ то, будетъ ли онъ со всей своей семьей сытъ, обутъ и одѣтъ, или натерпитя и голода, и холода, и нужды? По неволѣ сознаніе пастырской власти ослабляется сознаніемъ матеріальной безпомощности, и готовый излиться изъ глубины сердца урокъ вѣры въ *тонѣ власть имущаго* замираетъ на устахъ. Съ другой стороны, чтобы дѣятельность священника приносила надлежащіе плоды, нужно, чтобы онъ дѣйствовалъ *благовременнѣе и безвременнѣе*—и не только научалъ, но и обличалъ, и запрещалъ. А для этого опять необходима обезпеченность и полная пезависимость отъ прихожанъ. При современномъ же положеніи дѣла исполненіе указанной заповѣди апостольской является возможнымъ только для болѣе сильныхъ духомъ—и то не вполнѣ. Попробуй, въ самомъ дѣлѣ, священникъ *обличать благовременнѣе и безвременнѣе*,—и вмѣсто того, чтобы *пріобрѣсть заблудшее овца*, онъ наживетъ непримиримаго врага, который постарается и въ другихъ возбудить къ нему то же чувство ненависти и озлобленія. Конецъ же такого отношенія прихожанъ къ своему пастырю — полное оскудѣніе доходовъ, грозящее ему и семьѣ его всевозможными лишеніями, чуть не нищетою. Священнику, — говорятъ далѣе, — для того, чтобы онъ могъ вліять на приходъ, необходимо пользоваться уваженіемъ и вліяніемъ въ глазахъ пасомыхъ; нужно, чтобы послѣдніе смотрѣли на него, какъ на свѣтильникъ, предназначенный освѣщать невѣдомый имъ путь къ царствію небесному, — какъ на соль, предназначенную охранять ихъ отъ гнили невѣрія и пороковъ. Но можетъ ли рассчитывать священникъ на такое уваженіе и вліяніе у тѣхъ, въ чьихъ рукахъ его веде-

ственное обезпеченіе? Не стануть ли дающіе за трудъ священника плату прихожане смотрѣть на своего пастыря, какъ на зависящаго отъ нихъ человѣка, нѣсколько свысока и пренебрежительно? Не стануть ли считать его за наемника, за человѣка своекорыстнаго, весьма далекаго отъ высокаго подвига безмезднаго апостольскаго благовѣствованія? Постоянная зависимость отъ прихода, вѣчная боязнь за кусокъ хлѣба, непрерывныя опасенія за то, что, вслѣдствіе этихъ несносныхъ сборовъ, доброе имя твое попирается и презирается, что на тебя смотрять, какъ на попрошайку, производять удручающее впечатлѣніе на душевное настроеніе священника, принижаютъ его нравственное „я“, дѣлають его робкимъ, боязливымъ, подозрительнымъ, нелюдимымъ.

Если друзья Православной Церкви говорятъ противъ существующаго обычая взимать плату за совершеніе требъ сдержанно и обдуманно, то совершенно противоположными качествами проникнуты нареканія противъ него сектантовъ. Во взиманіи священниками платы за требоисправленіе они видять поступокъ, обличенный Господомъ Исусомъ Христомъ въ фарисеяхъ, прямое нарушеніе заповѣди о любви и милосердіи, обнаруженіе духа корыстолюбія и жадности. „Вмѣсто того,—говорять сектанты,—чтобы, согласно заповѣди Спасителя и высокаго званія учителей вѣры, подавать примѣръ вѣрующимъ, накормить голоднаго, напоить жаждущаго, одѣть нагого, приютить странника, вразумить заблуждающагося, утѣшить печальнаго, ваши священники отнимають послѣдній кусокъ у голодающаго, послѣднюю чашу воды у жаждущаго, послѣднюю одежду и приютъ у несчастнаго, прибавляють къ горестямъ и печалямъ оплакивающихъ кончину своихъ близкихъ новые печали, требуя у понесшихъ и безъ того великую плату и убытки еще новыхъ расходовъ для уплаты имъ за похороны, погребеніе и т. п. Какіе же это пастыри и учителя? Это—наемники, а не пастыри; это—книжники и фарисеи, противъ которыхъ гремитъ грозный голосъ Христа: горе

вамъ, книжники и фарисеи, лицемеры, что поюдаете дома вдовъ, и лицемерно долго молитесь: за это примете тѣмъ большее осужденіе (Мѡ. 23, 14). Это—не учителя, ибо, расширяя хранилища свои, они не только не исполняютъ заповѣди любви, но и другихъ научаютъ пренебрегать этою святою заповѣдію. Это—не свѣтильники, а гасильники: они погашаютъ и тотъ слабый свѣтъ вѣры и утѣшенія, какой еще сохранился въ Православной Церкви“. Однимъ словомъ, плата за требы не только мѣшаетъ правильному прохожденію священникомъ своего званія, но и прямо противорѣчить и примѣру Спасителя, учившаго и творившаго чудеса безмездно, и примѣру апостоловъ, поступавшихъ также, и основнымъ требованіямъ христіанской любви. „Вотъ, — говорятъ сектанты, — слова Самого Іисуса Христа, сказанныя Имъ во время посланія апостоловъ на проповѣдь: *туне пріайте, туне дадите* (Мѡ. 10, 8). Въ нихъ прямо, ясно и опредѣленно сказано, что слѣдуетъ священникамъ, если они дѣйствительно продолжатели дѣла Христова и преемники апостоловъ, совершать свое служеніе безмездно. Та же самая мысль проводится и въ другихъ мѣстахъ Писанія, особенно въ посланіяхъ ап. Павла. Такъ, въ книгѣ Дѣяній въ уста ап. Павла влагаются слѣдующія слова: *сами знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ послужили руки мои сіи... ибо Господь сказалъ: блаженнѣе давать, нежели принимать* (Дѣян. 20, 34—35). Слова эти въ данномъ вопросѣ, говорятъ, имѣютъ тѣмъ большее значеніе, что произнесены они въ присутствіи пресвитеровъ Ефесской Церкви, и, очевидно, въ поученіе имъ и съ желаніемъ, чтобы и они въ своей пастырской дѣятельности поступали такъ же, какъ поступалъ апостолъ. Не менѣе опредѣленно будто бы высказывается мысль о незаконности платы за требоисправленіе и въ другихъ мѣстахъ Писанія. Въ посланія къ Коринтянамъ апостолъ говоритъ: *мы трудимся, работая своими руками* (1 Кор. 4, 12); и въ другомъ мѣстѣ: *для меня лучше умереть, нежели чтобы кто уничтожилъ похвалу мою. Ибо если я благовѣствую, то не*

чѣмъ мнѣ хвалиться; потому что это необходимая обязанность моя, и горе мнѣ, если не благовѣствую (1 Кор. 9, 15—16)! Во второмъ посланіи въ Коринѳянамъ тотъ же апостоль пишетъ: *согрѣшилъ ли я тѣмъ, что унижалъ себя, чтобы возвысить васъ; потому что безмездно проповѣдывалъ вамъ Евангеліе Божіе (11, 7)?* и немного далѣе прибавляетъ: *вотъ, въ третій разъ я готовъ идти къ вамъ, и не буду отягощать васъ; ибо я ищу не вашего, а васъ. Не дѣти должны собирать имѣніе для родителей, но родители для дѣтей. Я охотно буду издерживать свое и истощать себя за души ваши... Пользовался ли я чѣмъ отъ васъ чрезъ кого-нибудь изъ тѣхъ, кого посылалъ къ вамъ (2 Кор. 12, 14—15. 17)?* Вы помните, братія, говоритъ онъ также въ первомъ и во второмъ посланіяхъ къ Солунянамъ, *трудъ нашъ и изнуреніе: ночью и днемъ работая, чтобы не отяготить кого изъ васъ, мы проповѣдывали у васъ благовѣстіе Божіе (1 Сол. 2, 9); ни у кого не ѣли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ и работою ночь и день, чтобы не обременить кого изъ васъ (2 Сол. 3, 8).* На какомъ основаніи и по какому праву, пренебрегая этимъ спасительнымъ и необходимымъ для подражанія примѣромъ апостола, ваши священники,—продолжаютъ сектанты,—*туне пріявше, не хотятъ туне давать, нарушая тѣмъ прямую заповѣдь апостола и Самого Христа? А вы, покупая за деньги благодать, не уподобляетесь ли Симону волхву, который, видя, что руками апостоловъ совершаются знаменія, и подается Духъ Святой, думалъ, что благодать можно получать или подавать за деньги, и не подвергается ли за это постигшему Симона осужденію: сребро ваше бываетъ вамъ въ погубель; потому что вы помыслили даръ Божій волучать за деньги (Дѣян. 8, 20)?“*

Вдумываясь въ вышеприведенныя возраженія противъ существующаго въ нашей Церкви обычая брать плату съ прихожанъ за исполненіе разнаго рода требъ, нельзя не видѣть, что всѣ они, не затрогивая существа дѣла, говорятъ о предметахъ, имѣющихъ чисто случайную связь съ главнымъ

предметомъ. Взявшись доказать несостоятельность обычая брать плату за требоисправленія, противники этого обычая должны были доказать, что онъ въ самой основѣ своей или не законенъ, или не разуменъ, или не практиченъ, или вреденъ, и что инымъ ни при какихъ другихъ условіяхъ быть не можетъ; они же говорятъ о томъ, что бываетъ при неправильномъ пониманіи этого обычая и злоупотребленіи имъ. Доказать же, что обычай этотъ по существу своему не пригоденъ и долженъ быть искорененъ, они не только не доказываютъ, но и доказать не могутъ. Въ самомъ дѣлѣ, говорятъ, что плата за требы ставитъ священника въ вещественную зависимость отъ прихода и потому лишаетъ его самостоятельности, стѣсняетъ свободу его дѣйствій и неблагоприятно отзывается на характеръ и плодахъ его дѣятельности. Правда ли это? не кроется ли тутъ какое-нибудь недоразумѣніе?

Вещественная зависимость можетъ стѣснить свободу дѣйствій извѣстнаго человѣка только тогда, когда зависимая сторона подчинена по закону той, отъ которой зависитъ, и въ своей дѣятельности принуждена руководиться распоряженіями и предписаніями ея; когда существованіе ея въ настоящемъ положеніи обусловливается исполненіемъ или неисполненіемъ воли стороны начальствующей, или когда, не будучи закономъ подчинена кому-либо, зависимая сторона пользуется благожелательностію другой только вслѣдствіе личнаго расположенія ея, при чемъ съ прекращеніемъ благожелательнаго отношенія послѣдней прекращается для первой возможность дальнѣйшаго существованія въ прежнемъ положеніи. Ни одного изъ этихъ условій въ положеніи священника не существуетъ. Во-1-хъ, не священникъ подчиненъ прихожанамъ, а въ большей и важнѣйшей зависимости отъ него находятся прихожане, и то, что ошибочно называютъ зависимостію священника, есть только необходимое проявленіе зависимости прихожанъ. Можетъ ли быть рѣчь о зависимости священника отъ прихожанъ, когда Самъ Всемогущій и Всесвятѣйшій

Духъ Божій „поставилъ ихъ блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Онъ приобрѣлъ Себѣ кровію Своею“ (Дѣян. 20, 28); когда они „раждаютъ“ своихъ прихожанъ „во Христѣ Иисусѣ благовѣствованіемъ“ (1 Кор. 4, 15)? Зависитъ ли пастухъ отъ стада или отецъ отъ сына? Наоборотъ, стадо подчинено волѣ пастуха и дѣти—волѣ отца своего. Священническое званіе пастыря Церкви, далѣе, нисколько не зависитъ оттого, будетъ ли онъ исполнять всякое желаніе прихожанъ, или нѣтъ, и, наконецъ, получая извѣстное содержаніе со стороны прихожанъ, священникъ получаетъ не подаваніе, а заслуженное имъ вознагражденіе. Но если зависимость священника отъ прихода и въ дѣйствительности существуетъ, то это — неизбѣжный удѣлъ всего земного. На землѣ вездѣ и во всемъ — взаимо-дѣйствіе и зависимость, и лучше, чтобы существовала эта зависимость, какъ побудительное средство для небрежныхъ и нерадивыхъ, чѣмъ чтобы священники, чувствуя свою полную независимость, стали пренебрегать нуждами пасомыхъ. Не вѣрно и то, будто матеріальная зависимость должна вредно отразиться на характерѣ дѣятельности священника. Это возможно лишь тамъ, гдѣ священникъ—человѣкъ, ставящій личныя выгоды выше того высокаго и святаго дѣла, которому онъ призванъ служить въ качествѣ пастыря Церкви, если для него лишняя копейка дороже требованій совѣсти. Но такой человѣкъ, въ какія ни поставь его условія, никогда не будетъ соответствовать своему назначенію и высокому сану.

Что касается утвержденія, будто содержаніе священника на средства прихода ослабляетъ въ немъ сознаніе пастырской власти и способствуетъ тому, что священникъ начинаетъ говорить, не какъ власть имущій, а какъ книжники и фарисеи; то слѣдуетъ сказать, что для наличности сознанія *власть имущаго* нужно не сознаніе матеріальной независимости, а, во-1-хъ, увѣренность въ высотѣ своего служенія, во-вторыхъ—увѣжденіе въ божественномъ посланничествѣ и во-третьихъ—нравственная чистота и безупречность. У того,

кто знаетъ, что онъ — „соработникъ у Бога“, а приходъ — „Божія нива, Божіе строеніе“ (1 Кор. 3, 9); кто убѣжденъ, что „пасти Церковь поставилъ“ его „Духъ Святый“ (Дѣян. 20, 28); кто чувствуетъ, что онъ — „исполнитель слова, а не слышатель только“ (Іак. 1, 22), что все, чего онъ требуетъ отъ другихъ, прежде всего дѣлаетъ самъ, — сознаніе матеріальной зависимости никогда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ даже хотя сколько-нибудь ослаблять сознанія пастырской власти; тотъ не побоится вразумленіемъ или обличеніемъ нажить себѣ врага. Да и не можетъ приобрести врага вразумленіемъ тотъ, кто, представляя себя въ примѣръ доброй христіанской дѣятельности, исправляетъ въ своихъ прихожанахъ неисправное и вразумляетъ неразумныхъ безъ гордости, самомнѣнія, самохвальства и заносчивости, а съ кротостію и смиренномудріемъ, *съ радостію сіе творя, а не воздыхающе.*

Не менѣе странно возраженіе противъ содержанія священника приходомъ, будто бы содержаніе это принижаетъ достоинство священника въ глазахъ прихода. Достоинство священника зиждется на сознаніи прихожанами высоты его служенія, богоучрежденности степени священства и необходимости и спасительности его служенія для нихъ. Слѣдовательно, все то въ жизни и дѣятельности священника, что соотвѣтствуетъ достоинству его званія; что свидѣтельствуетъ объ искренности его вѣры въ проповѣдуемое имъ ученіе и готовности осуществлять это ученіе въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ; что направлено къ ясно выраженному благу сосомыхъ, утверждая въ умахъ и сердцахъ вѣрующихъ истинность и справедливость ихъ представленій о жизни и спасительности для нихъ пастырскаго служенія, — способствовать укрѣпленію и возвышенію достоинства

щенника. Унижаетъ же въ глазахъ прихожанъ достоинство священника только то, что прямо противорѣчитъ высокому званію учителя вѣры и христіанской жизни; что доказываетъ отсутствіе въ священникѣ сознанія своего божественнаго посланничества или небреженіе о немъ; что идетъ въ разрѣзъ съ проповѣдуемымъ имъ высокимъ ученіемъ Богочеловѣка. Поэтому, достоинство священника подрывалось бы въ томъ случаѣ, если бы вознагражденіе за трудъ священника шло въ разрѣзъ или съ понятіемъ пастырскаго служенія, или съ проповѣдуемымъ священникомъ ученіемъ. Но на дѣлѣ ничего подобнаго нѣтъ: пастырское служеніе не есть подвигъ нестяжательности и нищеты, и потому не можетъ требовать отъ священника безмезднаго исполненія священническихъ обязанностей. Само христіанство прямо и ясно учитъ, что *достоинъ быть дѣлатель мзды своея* (Матѳ. 10, 9). Не теряетъ же своего достоинства въ глазахъ подчиненныхъ начальникъ оттого, что получаетъ жалованье, а не работаетъ бесплатно? То же самое должно сказать и относительно священника. И какой неразумный и разсудительный прихожанинъ, давая вознагражденіе за исполненіе священникомъ того, отъ чего зависитъ его вѣчное спасеніе, вмѣсто безпредѣльной благодарности за его труды, станетъ смотрѣть на священника свысока и презрительно, какъ на наемника и человѣка своекорыстнаго? Развѣ лишь тотъ, кто не дорожитъ своимъ спасеніемъ, тотъ, кто, питая и грѣя собственную плоть, удовлетворяетъ многоразличныя потребности, забываетъ, что тѣ же потребности съ такою же силою и непреложностію живутъ и умираютъ о своемъ существованіи во всякомъ человѣкѣ, удовлетвореніе ихъ такъ же необходимо и для священника и для него самого.

Обращаясь къ мнѣнію, по которому вознагражденіе отъ прихода принижаетъ личность священника, заставляя его вѣчно бояться за кусокъ хлѣба и за то, что доброе имя его хулится, что на него смотрятъ, какъ на попрошайку, дѣлаютъ его робкимъ, подозрительнымъ и нелюдимымъ, нельзя не сказать, что такъ думающіе далеки отъ званія истинныхъ христіанъ. Вѣчная боязнь ихъ за кусокъ хлѣба свидѣтельствуеетъ о томъ, что они или не помнятъ словъ Спасителя: „ищите прежде царствія Божія и правды его, а все остальное приложится вамъ“, или не придаютъ имъ значенія и не вѣрятъ въ ихъ силу. Св. ап. Павелъ, по его собственному признанію, пользовавшійся матеріальнымъ пособіемъ и услугами вѣрующихъ (2 Кор. 11, 8), не чувствовалъ отъ этого ни малѣйшаго униженія, такъ какъ, во-1-хъ, для него „очень мало значило, какъ судили о немъ.... другіе люди“ (1 Кор. 4, 3); во-2-хъ, онъ зналъ, что „если онъ сѣялъ въ вѣрующихъ духовное, то велико ли, если пожнетъ у нихъ тѣлесное“ (1 Кор. 9, 11)?

(Окончаніе будетъ).

Редакторъ, Ректоръ Кіев. Дух. Сем., Архимандритъ Іоаннѣй

Отъ Кіев. Ком. дух. ценз. печатанъ дозволяется. Кіевъ, 26 февраля 1900

Цензоръ, э.-орд. проф. Акад., прот. *І. Корольковъ*.

Тип. Петра Барскаго, Крещатикъ, собств. домъ № 40.